

The illustration depicts a dark, atmospheric forest scene. In the foreground, a bearded man in a hooded cloak sits on a rock, holding a large knife. He is looking towards the viewer. In the background, a large, gnarled tree trunk on the left features a carved face. Another tree trunk on the right has a carved skull. In the center background, a large, dark, horned creature with a skull-like face is visible, partially obscured by the trees. The overall tone is dark and mysterious, with a focus on nature and fantasy elements.

АТРЭЙ БЛЭКВУД

ИСПЫТАНИЕ
ТОРВИНА

Атрэй Блэквуд

Испытание Торвина

<https://litres.ru/74319679>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Испытание Торвина» — мрачная мистическая история на стыке тёмного фэнтези и лавкрафтианского хоррора. В краю, где магия медленно угасает, а сама земля будто теряет жизненную силу, староста Торвин решается войти в зловещую чашу, чтобы вернуть похищенного младенца. Там его ждут встречи с древними силами и испытания, проверяющие не крепость тела, а глубину души. Гнетущая атмосфера обречённости рождается из столкновения героя с чуждой, непостижимой стихией и из тяжести нравственного выбора, перед которым ставит его лес. Произведение подойдёт любителям атмосферного хоррора, историй о тяжёлом нравственном выборе и мрачного фэнтези, где ужас рождается не только из чудовищ, но и из груза личной ответственности.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Испытание Торвина

Глава

В краю, где магия когда-то пульсировала в венах земли, словно горячая, живая кровь, теперь она сочилась редкими бессильными каплями — сама земля истекала последними крохами силы. Капли теряли цвет, густели, превращаясь в липкие, мертвенно-серые нити, которые лениво тянулись из трещин в земле, сплетались в уродливые узоры и тут же застывали.

Раньше земля этого края дышала магией, пуская её по своим жилам, точно животворящий сок: он струился под корой деревьев, мерцал в каплях росы, слышался в шелесте трав, и каждый корень, каждый камень, каждый порыв ветра наполнялся тихим древним шёпотом, в котором слышались голоса самой земли.

Теперь этот шёпот сменился сухим, надтреснутым скрипом — будто мир, некогда живой и щедрый, превратился в угасающий слепок самого себя. Пейзаж всё ещё сохранял призрачные следы прежнего величия. В изгибах холмов угадывался силуэт лица, русла рек — благородными чертами, кроны деревьев вздымались растрёпанными волосами.

Но внутри мир был пуст — будто кто-то аккуратно вы-

нул из него всё тёплое и живое, оставив лишь пустую форму. Любой звук здесь рождает глухую тоску потери: шелест сухих листьев отзывался в груди болезненным эхом, пробирал до костей и тихонько шептал: «Жизни больше нет. Перед тобой лишь оболочка». Магия иссякала капля за каплей. И с каждым мгновением край становился всё более мрачным. Трещины в почве разрастались, будто пытались дотянуться до самого сердца земли, чтобы высосать последние остатки жизни. Деревья ещё тянулись вверх, но лишились прежнего голоса. По руслам рек струилась густая жидкость с резким запахом ржавого железа. Небо же окончательно затянула серая пелена, нависая над миром плотным безжизненным саваном. Тяжёлые капли дождя падали на иссохшую почву, глухо ударяясь о землю, но не могли проникнуть в глубь, оставляя на земле лишь тёмные, маслянистые пятна. Ветер, проносившийся над краем, не нёс больше прохлады и запахов трав — только сухую, колючую пыль. Мир умирал тихо, почти незаметно. И даже воспоминания о былом чародействе истлели, теряя прежнюю яркость, рассеиваясь словно предрассветный туман, и рассыпались в прах вместе с последними искрами магии, от которой вскоре не должно было остаться и следа.

Люди в деревнях поговаривали, будто лес голодает. И это был не просто голод, а холодная, безмолвная пустота, которая разрасталась с каждым рассветом, поглощая крохи магии, ещё теплившиеся в крае. Древним хозяевам здешних

мест нужна была пища, но требовали они не крови и золота, а живой, горячей человеческой сути: искреннего смеха, от которого звенит в ушах, или первородного горя, что ломает человека изнутри. Без этой искры волшебство угасало, а рубеж между мирами давал трещину. И сквозь неё уже просачивалось нечто чужое, холодное, не имеющее имени.

Духи уносили младенцев не из злобы и не ради забавы, а подчиняясь древнему, безжалостному закону выживания: лес брал то, что мог, потому что иначе он бы умер, а вместе с ним и весь хрупкий порядок вещей. Говорили, что младенцы были самой чистой формой чувства: их смех звенел как первый луч солнца, а плач был острым как лезвие, и именно эта незамутнённая, первозданная эмоция могла на мгновение закрыть зияющую брешь между мирами.

Старики у костров делились этими страхами неохотно, вполголоса, почти шёпотом. Они опускали глаза, будто боялись, что, если посмотрят выше, за границу пламени, чаща заметит их взгляд и сочтёт его вызовом. В движениях сквозила особая осторожность: они не делали резких жестов, не повышали голоса, не смеялись громко — словно любое проявление жизни могло стать приманкой.

Они знали: чаща наблюдает. Каждой веткой, каждым корнем, каждой каплей росы, в которой отражалась сама бесконечная, терпеливая пустота леса. Любой неосторожный взгляд, любая слишком яркая эмоция могли превратить рассказчика в новую жертву: лес не охотился в спешке, он

неумолимо ждал, пока человек сам сделает шаг в тень.

Каждый боялся, что, если посмотрит в чашу слишком пристально, она заберёт и его — не сразу, не с грохотом и криками, а тихо, буднично, так, что на следующее утро соседи лишь пожмут плечами и скажут: «Наверное, ушёл в поисках лучшей доли». И никто не станет высматривать следы у кромки леса, потому что все знали: там, где кончается тропа, следы исчезают, будто земля сама стирает память о тех, кого приняла чаша.

Когда беда пришла в дом старосты Торвина, чьё имя знали все, пропал сын. Мальчик по имени Арден был первым ребёнком, родившимся после долгих бесплодных лет — тех самых чёрных зим, когда земля лежала непокрытой, а стужа выпивала из людей остатки веры. В ту ночь буря бесновалась за окнами, царапала стены ледяными когтями, будто умоляя о чём-то. А утром колыбель опустела. Лишь иссохший дубовый лист чернел на её дне — тёмный, ломкий словно фрагмент самой чащи, небрежно брошенный внутрь, чтобы показать: лес не крадёт в спешке, он делает это с холодным, расчётливым достоинством.

Торвин не стал собирать охотников. Он знал: ответ он силой, и бунт против леса обернется катастрофой, способной стереть деревню с лица земли, будто её и не было вовсе. Лес не мстил в гневе — он отчаянно пытался выжить.

Староста взял лишь фамильный нож с костяной рукоятью. Не как оружие, а как дань уважения старому союзу и знак то-

го, что он помнит древний договор. Рукоять, до блеска отполированная прикосновениями отца и деда, хранила память поколений: в её гладкой поверхности чудились едва заметные бороздки — следы пальцев тех, кто когда-то тоже шёл навстречу лесу, зная, что может не вернуться. Это была не угроза, а напоминание: мы помним твои законы, мы не пришли с войной.

И ещё Торвин взял с собой тишину. Ту особую, тяжёлую тишину, которая рождается не из отсутствия слов, а из понимания, что любые крики здесь будут услышаны не людьми. Он застегнул старый плащ, проверил, плотно ли прилегает к ладони рукоять ножа, и шагнул за порог, в ту сторону, где деревья стояли плотнее, где тени были гуще, а воздух становился почти осязаемым.

Чаща ждала. И она знала, кто идёт к ней.

Путь, выбранный Торвином, остальные жители деревни давно обходили стороной. Не из осторожности, а из инстинктивного, звериного страха, заставлявшего сворачивать задолго до того, как тропа начинала сужаться. Она не вела вперёд. Она лишь позволяла идти, будто сама чаща решала, достоин ли путник следующего шага, и требовала плату за каждый метр: то царапала плечи о шершавые стволы, то внезапно обрывалась, оставляя человека один на один с безмолвной стеной ветвей.

Коля то сужалась так, что приходилось протискиваться боком, вжимаясь в грубую кору, чувствуя, как она впивается

в кожу, словно пытается запомнить прикосновение, то и во-
все пропадала, растворяясь среди переплетённых корней и
поваленных стволов. В такие моменты Торвину приходилось
ориентироваться по едва заметным отметинам на деревьях
— глубоким, рваным царапинам, будто оставленным когтя-
ми исполинского зверя. А может, это были следы чьих-то от-
чаянных попыток подать знак — молчаливый крик о помо-
щи.

Торвин уходил всё глубже в дубраву, и чаща поглощала
его без остатка, смыкаясь за спиной старосты плотной сте-
ной. С каждым шагом прежний мир истончался. Оставшееся
позади стремительно теряло очертания, превращаясь в при-
зрачный морок. Пройденный путь словно стирал реальность.
Единственное, что существовало на самом деле — только
этот сумрачный лес.

Воздух вокруг наливался мертвенным холодом, тяжелел и
лип к лицу. Он густел, превращаясь в подобие застывающей
смолы так, что каждый вдох давался Торвину с трудом. Пере-
плетённые ветви окончательно сомкнулись над головой, по-
хоронив последний намёк на небо. Тени между стволами сгу-
стились, и здешний мрак обрёл плоть, осев на плечи неподъ-
ёмным ледяным грузом.

В этой глухой тишине, нарушаемой лишь хрустом сухих
веток под сапогами, каждый звук казался непростительно
громким. Торвин чувствовал, как лес изучает его.

Чаща всматривалась не глазами, а каждым своим изло-

мом. Она изучала путника сплетением корней, вздымавшихся из земли словно вены, впившиеся в почву с упрямой силой. Капли росы отливали маслянистым блеском, отражая глухую тьму; в этом тягучем соке словно растворилась память обо всех, кого чаща поглотила до него. Дыхание леса то и дело оборачивалось чьим-то осторожным шагом за спиной. Этот звук нарочно отставал на полшага, оставаясь невидимым, но невыносимо реальным.

И в этом внимании не было любопытства. Оно было холодным, расчётливым как взгляд хищника, оценивающего, сколько сил осталось у добычи. Чаща не торопилась. Она выжидала, проверяя хватит ли у человека воли добраться до самого центра её владений — или он сломается прежде, чем предстанет перед Сердцем Роши.

Торвин не оглядывался. Он знал: если обернётся, то, возможно, увидит чьи-то глаза, горящие в полумраке, и силуэты, сливающиеся с корой настолько, что различить их можно было бы лишь по тому, как странно изгибаются тени. А ещё понимал, что любое проявление страха — вздрогнувший шаг, судорожно сжатый кулак, поспешный взгляд через плечо — чаща сочтёт слабостью. И лес тут же использует эту возможность, чтобы проникнуть глубже, туда, где прячется самая горькая правда, в его мысли.

Поэтому он шёл вперёд, размеренно и неторопливо, будто и не чувствовал этого пристального, невидимого взгляда. Торвин позволял себе замечать лишь то, что помогало выжить:

свежую царапину на коре, едва уловимый излом тропы, валун, лежащий слишком правильно для диких дебрей. Всё остальное староста намеренно оставлял на периферии зрения, словно отодвигал занавес, за которым пряталось нечто, чего лучше не видеть.

С каждым шагом деревья вздымались всё выше, а просветы между стволами сужались в тиски. Лес дышал в такт шагам Торвина, отражая эхом его усталость, страх и упорство, переплавляя человеческие эмоции в свой собственный узор. Лес не хотел просто отпугнуть. Он хотел понять, из чего сделан этот человек. И Торвин шёл, зная, что каждое его движение, каждый вдох, каждый сдержанный порыв обернуться — всё это записывается в памяти чащи, высекается в древесине, оседает в почве, чтобы однажды стать частью её безмолвной летописи.

Деревья здесь стояли колоссальные, чёрные, будто выточенные из обсидиана. Узловатые ветви переплетались высоко над головой в плотную, непроницаемую сеть. Живой полог полностью отсекал тусклый дневной свет, превращая полдень в глухую, беззвёздную ночь. Земля под ногами скрывалась под толстым ковром прелой вековой листвы — пластами времени, в которых чаща веками копила свою усталость. Мёртвый ковёр не издавал ни звука, хищно гася любой шорох: земля впитывала шаги Торвина без остатка, ревниво скрывая сам факт его присутствия. Вокруг сгустилась мертвенная, монолитная тишина. Это противореесте-

ственное безмолвие обрело форму: оно наваливалось на плечи и въедалось в поры ледяным, застывшим воздухом.

Вместо песен из чащи доносились короткие птичьи вскрики, больше похожие на предсмертные хрипы. В этих звуках ощущалось настойчивое, почти отчаянное предупреждение о том, что дальше чужаку не рады, что здесь кончается мир людей. Лесные вестники знали: рубеж уже сдвинут, и тщетно пытались спасти того, кто упрямо шёл навстречу собственной гибели. В их клёкоте не было жизни, лишь монотонная, пугающая весть: поверни назад. В обрывках их криков Торвину почудился человеческий плач. Словно птицы уже приняли неизбежное угасание этих земель и теперь из чистой жалости отгоняли от края последнего живого человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.